

Андрей Белый

Ф. Сологуб

Андрей Белый Ф. Сологуб

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3132535

Аннотация

«Прост донельзя метод построения Сологуба: треугольник – человек (пленный ёлкич), недотыкомка и смерть; теза, антитеза, синтез; верхняя посылка, нижняя посылка, умозаключение; бог, мир, черт; богоспасаемый Сапोजок, обыватель, читающий книжечки по буддизму, и обывательщина, оные не читающая (дебёлая дама); первая степень сознательности – у Паки мама, у обывателя Сапожка в окне сапожковская пыль; вторая степень сознательности – у Паки мама злая, у обывателя в комнате из окна много пыли; третья степень сознательности – Пака от мамы «махни-драла», обыватель из Сапожка в смертный колодец «махни-драла»; и вывод: в Сапожке злые мамы, в Сапожке много пыли, в Сапожке глубокие колодцы, в Сапожке обыватель от пыли «махни-драла» в колодец...»

Содержание

I	4
II	6
III	12
IV	16
V	19

Андрей Белый

Ф. Сологуб

I

«Хочется сказать: „Это он о себе“. Нет, мои милые современники, это о вас» («Мелкий бес». Предисловие автора).

– «Чур-чурашки, чурки-болвашки, веди-таракашки. Чур меня. Чур, чур, чур. Чур-перечур-расчур» («Мелкий бес», стр. 59).

Жизнь, по Сологубу, это капли, продаваемые подозрительным армянином: «Каплю выпьешь – фунт убудет. Капля – фунт. Капля – рубль. Считай капли, считай рубли» («Истлевающие личины», 77).

Это он про себя?

– «Нет, мои милые современники, это про вас». Э, да и нужен же на него заговор: какой барин нашелся!

Чур-чурашки, чурки-болвашки, веди-таракашки. Чур меня. Чур меня. Чур, чур, чур. Чур-перечур-расчур.

Господин автор, что с вами?

«Что вы, поменьше как будто?.. Да и похудели... Вниз растет... Стремится к минимуму... По-настоящему его бы в участок... „Баринок“! И чиновники смотрят на него с суровым осуждением... Как осмелились идти вы против видов

правительства?.. Уже он свободно ходит под столом... Стыд, и срам!» («Истлевающие личины»). Грозит кулачками смеющимся ребятам: «Нет, мои милые современники, это я о вас».

Чур-чур-чур!

«Смешался с тучей пляшущих в солнечном луче пылинок» («Истлевающие личины»). Исчез, может быть, с мелкими, как пылинки, смешался с таракашками нежитями: еще, пожалуй, в суп заползет.

«Чур-чурашки. Чур-болвашки, веди-таракашки». Вы успокоились теперь, милые современники? Решим же *«по сношению с Академией Наук... считать его выбывшим за границу»* («Истлевающие личины»).

II

Нет, не стряхнешь Сологуба с действительности русской. Плотью он связан с ней и кровью. В Чехове начался, в Сологубе заканчивается реализм нашей литературы. Гоголь из глубин символизма вычертил формулу реализма: он – альфа его. Из глубин реализма Сологуб вычертил формулы своей фантастики: недотыкомку, ёлкича¹ и др.; он – омега реализма. Чехов оказался внутренним, но тайным врагом реализма, оставаясь реалистом. Сологуб поднял знамя открытого восстания в недрах реализма. Как-то странно соприкоснулся он тут с великим Гоголем, начиная с жуткого смеха, которым обхохотал Россию от древнего города Мстиславля до стен Петрограда и далее – до богоспасаемого Сапожка. Персонаж Сологуба всегда из провинции, и страхи его героев из Сапожка: баран заблеял, недотыкомка выскочила из-под комода, Мицкевич подмигнул со стены – ведь все это ужасы, смущающие смертный сон обывателя города Сапожка. Сологуб – незабываемый изобразитель сапожковских ужасов. Обыватель из Сапожка предается сну (не после ли гуся с капустой?); при этом он думает, что предается практическим занятиям по буддизму: изучает состояния Нирваны, смерти, небытия; не забудем, что добрая половина обитателей глухой

¹ Недотыкомка – ирреальное существо, являющееся герою романа «Мелкий бес» Передонову. Ёлкич – сказочный лесной человечек в «Январском рассказе».

провинции – бессознательные буддисты: сидят на корточках перед темным, пустым углом. Сологуб доказал, что и переселяясь в столицы, они привозят с собой темный угол: доказал, что сумма городов Российской империи равняется сумме Сапожков. В этом смысле и пространства великой страны нашей суть огромный Сапожок.

Так соприкоснулся с Гоголем этот своеобразный антипод Гоголя. И слог Сологуба носит в себе иные черты гоголевского слова: отчеканенный, простой и сложный одновременно; только лирический пафос Гоголя, начертанный яркие такие страницы, превращается у Сологуба в пафос сурового величия и строгости. Далек не всегда поднимается Сологуб в слог до себя самого: грязные пятна неряшливого отношения к словесности встречаются на всем пространстве его романов. Не всегда покрыты они словесной нивой; много сухого, потоптанного жнивья; много торчащих метел полынных. Но с иных мест его творений много уносим мы богатств в житницу нашей словесности. Часто фразы его – колосья, полные зерен; нет пустых слов: что ни слово, то тяжелое зерно тяжелого его слога, пышного в своей тяжести, простого в своем структурном единообразии.

«И вот живет она, ему на страх и на погибель, волшебная и многовидная, – следит за ним, обманывает, смеется, – то по полу катается, то прикинется тряпкой, лентой, веткой, флагом, тучкой, собачкой, столбом пыли на улице и везде ползет, бежит... – измаяла, истомила его зыбкой своею

пляскою» («Мелкий бес», стр. 308). Какое обилие определений (волшебная, многовидная), глаголов (следит, обманывает, смеется, катается, прикинется, ползет, бежит, измаяла, истомила); и далее: прикидывается – тряпкой, лентой, веткой, флагом, тучкой, собачкой, столбом пыли, зыбкой пляской. Развертывая фразу, всякий банальный писатель наполнил бы этой фразой страницу. Сологуб сжимает многообразие признаков недотыкомки в одну фразу. Для усиления нужного ему впечатления он дважды повторит одно прилагательное: «и от этих *быстрых сухих* прикосновений словно *быстрые сухие* огоньки пробежали по всему его телу»; «на ее *темных* краях загадочно улыбался *темный* отблеск»; «*легкий* призрак *летних* снов» (здесь аллитерация для аналогичной роли); «с *темного* неба *темная* и странная струилась прохлада»; в последнем примере образец другого излюбленного им приема: ради величавости отставляет прилагательное от существительного глаголом: «*тяжелую* на его грудь положил *лапу*», «*яркие* загорались в черном небе *звезды*». В оригинальности средств изобразительности он тоже мастер: «тучка бродила по небу, блуждала, подкрадывалась, – *мягкая обувь у туч*, – подсматривала».

Вот какой слог этого большого писателя: тяжелый его слог, тяжелый, пышный; в пышности единообразный; в единообразии простой.

Такова же идеология этого задумчивого летописца: тяжелая его идеология, причудливая; в причудливости единооб-

разная; в единообразии простая.

Действительность нашего мира, как и действительность инобытия, распылил: *здесь и там* соединяет в себе пылинка-недотыкомка «с головою и ножками», попискивает: «я». Люди, боги, демоны, звери приводятся к основной единице, пискучей пылиночке; как и она, они пищат, а призрачная жизнь писк суетливого, бессмертного небытия превращает в плач, глас, хохот, рев. Недотыкомке противопоставляется *то, что ни здесь, ни там, нигде, никогда* – смерть. Человек соединяет в себе пыль и смерть: развивающееся сознание убивает призрачную жизнь человека, угасающее сознание преодолевает эту жизнь в попрыскивающий писк взвизгнувшей пыли – в бессмертный писк бессмертной пыли. Над ней «с *темного* неба темная и странная струилась прохлада» – искони, искони: струилась, струится: струясь, проструится.

К демонизму приложил Сологуб детерминистический метод: получился детерминистический демонизм, т. е. в демонизме отсутствие демонизма. И если Гоголь неудачно пытался убить свой демонизм реализмом, Сологуб в наследии Гоголя покончил с демонизмом навсегда, воображая при этом, будто он воскрешает демонизм. Но об этом ниже.

Люди пошли от пыли: вот космогония Сологуба; им остается либо кануть от пыли в смерть, либо снова ввалиться в пыль родную. Рязановы, Мошкины (анархисты, революционеры, богоборцы) идут первым путем. Народ степенный, богобоязненный, чиновный – Саранины, Передоновы –

вторым. Оба пути проваливают реализм действительности, в частности – действительности русской. Лучше умереть в юности: и нежностью необычайной Сологуб благословляет смерть отроков, убегающих от передоновщины, и отроковиц, презирающих жизнь – *«бабищу румяную и дебелую»*: крепко невзлюбил он Сапожок.

Гоголь начал с колдунов и басаврюков, а кончил Невским Проспектом: но Невский Проспект оказался завесой – и дырявой завесой: какой-то басаврюк выставил из дыры нос: и нос заходил по Невскому; чего доброго, заходили и ноги без туловища; наконец, котелок на палке. Реализм жизни русской сумел-таки проклятый колдун разложить на носы. По всем правилам искусства Сологуб довершил разложение: он – первый атомист; взвешивает действительность русскую на атомные весы; и недотыкомка – единица его веса: она – пылинка с головкой и с ножками, прикидывается бациллой; заползет в нос; человек чихнет, простудится: пришел – разломала; глядь – «и тогда быстро выбежала из угла длинная, тонкая лихорадка с некрасивым лицом... обнимала...» («Истлевающие личины»). Уже не нос басаврюкин глядит из дыры на Сологуба, а миллиарды басаврюкиных бацилл свободно крутятся в пыли. О Сапожок: не спасешь, но погубишь!

Чур-чурашки, чурки-болвашки, буки-таракашки. Чур меня. Чур меня. Чур, чур, чур. Чур-перечур-расчур. А букашки да таракашки так и поползут на закляния, и даже окажет-

ся, что *«от мамзели клопы в постели»* («Мелкий бес»).

Человек-недотыкомка, – как старая нянька Лепестинья, лепечет, пыль лелея, лепет да нашепты, и притом совершенно несознательно; а как только сознает ужас своего положения в Сапожке, то превращается в тоскливого, милого маленького ворчуна, ёлкича, у которого украли жизнь, зеленую елку:

Елкич в елке мирно жил.

Елкич елку сторожил.

Злой приехал мужичок,

Елку в город уволок.

Миленький ёлкич смерти протягивает маленькие ручки свои – родной, родной он смерти протягивает ёлкич ручки, когда «надвинулись докучные явления».

III

Прост донельзя метод построения Сологуба: треугольник – человек (пленный ёлкич), недотыкомка и смерть; теза, антитеза, синтез; верхняя посылка, нижняя посылка, умозаключение; бог, мир, черт; богоспасаемый Сапожок, обыватель, читающий книжечки по буддизму, и обывательщина, оные не читающая (дебёлая дама); первая степень сознательности – у Паки мама, у обывателя Сапожка в окне сапожковская пыль; вторая степень сознательности – у Паки мама злая, у обывателя в комнате из окна много пыли; третья степень сознательности – Пака от мамы «махни-драла», обыватель из Сапожка в смертный колодец «махни-драла»; и вывод: в Сапожке злые мамы, в Сапожке много пыли, в Сапожке глубокие колодцы, в Сапожке обыватель от пыли «махни-драла» в колодец. Сологуб поворачивает треугольник свой то основанием вверх, то основанием вниз; Сологуб меняет посылки единого своего умозаключения; оттеняет буддиста сапожковца сапожковцем не буддистом, и обратно; и кончает тем, что вносит в Сапожковскую управу проект об увеличении числа колодцев; сапожковцы прячут от него детей, а он в костюме далай-ламы усаживается перед колодцами: «Дыра моя, спаси меня». Везде и во всем дивно описанная повесть о том, как обыватель сего града стал *дыромольем*, сиречь буддистом.

«Пака в плену. Он – принц... Злая фея приняла образ мамочки... Мальчики проходили... – „Кто же ты?“ – „Я пленный принц...“ – „Ей-Богу, освободим...“ И вот уже был вечер... Обед приближался к концу... В открытое окно столовой влетела черная стрела... С *краснеющей* на ней надписью... И в то же время *за окном* детский голос выкрикнул площадную брань... – „Началось“, – подумал Пака (началось освобождение)... Но злая фея увозила Паку... Все на месте, все сковано, звено к звену, на век зачаровано, в плену, в плену» («Истлевающие личины»).

Вот тезис Сологуба. Далее идет развитие основного тезиса.

Тезис. Готик думает; «За очарованной рощей обитает нежная царевна Селенита, легкий призрак летних снов».

Антитезис. Брат Лютик к нему пристает: «У свиньи хвост, а у лошади?»»

Тезис. Готик: «Вот и Селенита. Милая, милая».

Антитезис. Лютик: «Русские моряки довели свой флот до гибели, вот они и Гибелинги». Оказывается, что обитатели суммы всех Сапожков – гибелинги.

Тезис. Коля:

«А в лесу как славно!»

«Смолой пахнет».

«Утром я белку видел».

Антитезис. Ваня (гибелинг):

«И скипидаром...»

«А я дохлую ворону».

Синтез. «Ваня хвалил смерть... Коля слушал и верил» («Жало Смерти»).

Тезис. Саша (с похвальным листом): «Все пятки...» *Антитезис.* Отец (гибелинг, насмешливо): «Что же, на стенку повесишь?» *Синтез.* «Как-то странно и томительно горело его сердце» («Земле – земное»).

И все становится наоборот (следующая стадия сознательности).

Тезис. «Митя (он же Пака, Коля, Готик и т. д.) опять решил прогулять уроки... Оставалось подделать барынину подпись... О Митином поступке послали матери письмо». *Антитезис.* Барыня (полная, глупая, дебёлая): «Да как ты смел?» *Синтез.* Выпороли.

Идешь направо, и «томительно горит сердце»; идешь налево, и порка: куда ни кинь, везде клин; и антиномия углубляется.

Тезис. Митя видит в окне девочку. Раю. *Антитезис.* Рая упала и разбилась. «Робко вышел Митя в кухню. Пламенные язычки, красные, как струйки Раичкиной крови, мелькали... за печкой». *Синтез.* «От алтаря, как горный вестник, приблизилась Рая...» Позвала – пошел: привела на четвертый этаж и выбросила из окна.

Гибелинги бросают в плен жизни стрелу с красной краской написанным красным словечком; словечко подскакивает пещным огоньком: этим огнем (красным петухом) запалит дом взрослый Пака или Митя, когда станет Передоновым.

Паке (он же Коля и Митя) лучше умереть, чем соблазниться призывом к жизни Лепестиньи, ворчуньи старой. Если соблазнится, ход умозаключения обратен. *Тезис.* Саша: «Все пятки...» «А в Сашиной комнате копошится нянька Лепестинья». *Антитезис.* Отец: «Что ж, на стенку повесишь?» *Синтез.* Саша: «Да, повешу». Лепестинья (входя): «Повесь над кроватью – спи, батюшка». И из синтеза развертываются новые ряды антиномий.

Знойным великолепием природа у Сологуба кивает, дразнит, душит, пылкие свои она лепечет нашепты – любовные она признания свои нашептывает. «Горицвет раскидал белые полузонттики, и от них к вечеру запахло слабо и нежно. В кустарниках таились ярко-лазоревые колокольчики, безуханные и безмолвные» («Земле – земное»). «Здесь, в природе, спи, усни, отрок, – Лепестинья тебя возьми! Вырастешь, Передоновым будешь». Так убаюкивает Сологуб своих отроков.

Чур-чурашки, чурки-болвашки, буки-букашки, веди-таракашки. Чур нас. Чур нас. Чур, чур, чур. Чур-перечур-расчур.

IV

Легкие, пряные цветы, ярко-лазоревые колокольчики: прекрасное тело женское; и лесь горничной: «В такую *милашку*, как вы, кто не влюбится» («Красота»). Это в колокольчик лазоревый гадкое вползает насекомое; поцелуй колокольчик – насекомое ужалит: о земная роскошь, покрытая насекомыми! «На коже – блоши укусы». «От мамзели клопы в постели». «Ешьте, дружки, набивайте брюшки». И *дружки* (бывшие Паки, Коли, Ардаши) превращаются в животных, Ардалионов Передоновых. Вокруг них спускается «ночь, тихая, шуршащая зловещими подходами и нашептами». В этой тьме, кромешной и злой, стоит Передонов, представляя «барышень Рутитовых в самых соблазнительных положениях». И снятся ему дамы «всех мастей, голые, гнусные». Вот куда привела ты мальчика, Лепестинюшка, – к счастью, к невесте? «*Жирненькую бы мне*», – с тоской в голосе говорит Передонов. Вишь чего захотел, «*черт очкастый*». Подлинно черт: «встретив *миловидного* гимназиста с *непорочными* глазами», дразнит его девочкой: «А, Машенька, здравствуй, раздевоня». – «У вас, любезный Ардальон Бори-сыч, зашалило воображение».

Все разваливается – дальше некуда идти; и богоспасаемый град Сапожок скалится ужасом. «Рутитов засмеялся, показывая гниловатые зубы». Пурпурные колокольчики уст изда-

ют тяжелый запах; директор *точит зубы* на Передонова; зубы, зубы везде – и зубы гниловатые. «Чему смеетесь!» – восклицает Передонов; и из разъятой пасти гниловатой вместе с клубами тяжелых слов выпархивает недотыкомка, начинает дразниться, опрокидывая на Передонова людей, животных, предметы. В него шуточно прицеливаются кием: приседает от страха; подают кофе: «не подсыпано ли яду?» Вдруг Мицкевич со стены подмигнул. И мстит, как только может: доносит на учеников, на обывателей, тащит портрет Мицкевича в отхожее место. Извне, изнутри – жжет его неугасимая Недотыкомка, яркая, как печной пламенек, как слово крылатое. – «От Юлии Петровны веяло жаром. Она хватала Передонова за рукав, и от этих быстрых и сухих прикосновений словно быстрые сухие огоньки пробежали по всему телу». Но ведь уж это не Юлия Петровна. Вспомните, как описывает Сологуб лихорадку: «быстро выбегала из угла длинная, тонкая лихорадка с некрасивым, желтым лицом... *и ложилась рядом, и обнимала, и принималась целовать*» («Призывающий Зверя»).

Красные буквы начертали на стреле мальчики *гибеллинги*, освобождавшие Паку. Красные смертные буквы, как струйки Раиной крови, палили сознание Мити. Теперь красный развеивает Передонов, красный факел на Сапожок, творя заклинание: «Чур-чурашки, чурки-болвашки, веди-таракашки. Чур меня. Чур меня. Чур, чур, чур. Чур-перечур-расчур».

Вот что сделал из жизни Сологуб: «Вот вам, милые современники!»

Чур-перечур-расчур!

V

Но он не колдун. Правда, он гноит людям зубы, оставляет на теле блоши укусы, разводит у мамзели клопы в постели; все это довольно неприятно: но пусть ходят почаще к зубному врачу, почаще отмывают пыль, покупают в аптекарском магазине персидского порошку; обывателям Сапожка полезно привить элементарные культурные правила.

Колдовство Сологуба – химера, не более: ведь сам-то он, такой большой в благих намерениях, в демонизме своем умалется бесконечно. Он в демонизме своем маленький, измученный ёлkich, у которого украли жизнь, зеленую елку. Вот и жалуется нам бедный ёлkich, скулит, забирается под одеяло: куснет здесь, куснет там; а мы храпим, мертвецким храпом храпим: не слышим ёлkича. И ёлkич бранится, шипит, ерепенится, ерошится, пугает.

Для нашего устрашения – нам в назидание, себе в утешение сладкую он придумал, сладкую усладу: измыслил фокус-покус с разложением действительности. Прикинулся колдунком – прыг на стол: сбежались к столу дети, а он им со стола: «Фу-фу-фу: все разложу, ничего не останется». Дети заплакали. «Чур-чур-чур». Подошла мама и сказала:

Елkич, миленький лесной
Уходил бы ты домой.

Елку ты уж не спасешь,
С нею сам ты пропадешь.

Кто-то из детей чихнул: и от чиха взвевлся ёлкич: ножками в воздухе: лёеп-лёп; и пропал («Январский рассказ»).

В чем же фокус бедного ёлкича? А вот в чем.

Ёлкичева задача

Дано: Атом жизни – недотыкомка (символизируемая то водородным атомом, то Лейбницевой монадой, то теорией Босковича², а то и бацилло́й); сумма всех атомов или мир; мы, глотающие миллиарды недотыкомок (в Сапожках дворники метлами взвеивают самум перед носом прохожего как раз в час его прогулки; прочее время дня пьют чай с калачами); управа, во власти которой вырыть колодцы для водоснабжения и орошения города.

Требуется доказать: Обыватель может чувствовать себя обеспеченным от пыли только сидя в глубоком колодце: до сих пор, проваливаясь в колодец, там и оставались, нисходя в мир прохлады и тени – в Аид. Требуется доказать нисхождение, в Аид.

Такова задача зеленого ёлкича. Доказывает он ее трояким

² «Лейбницева монада» – см. примеч. 68 к статье «Эмблематика смысла». Боскович – Р. И. (Бошкович), хорват по происхождению, математик, астроном и философ, автор учения о динамическом атомизме.

образом, разбирая мир природы, мир бессознательной стихии сапожковца и далее: разбирает он сознательную стихию сапожковца.

Ход доказательства

Природа.

«Горицвет раскидал белые полужонтики, и от них к вечеру запахло слабо и нежно» («Земле – земное»)

Тезис

«Изгибался паслен с ярко-красными ягодами» («Земле – земное»).

«Радовался и улыбался... и любил каких-то добрых людей... за рекой в золотисто-лиловых грезах» («Утешение»).

Антитезис

«Оторвал стебель и поднес к носу. Поморщился от неприятного, тяжелого запаха» («Мелкий бес»).

«Посреди поля была когда-то для чего-то вырыта канава... ненужная и безобразная» («В толпе»).

Бессознательное

«И когда Людмила целовала его колени и стопы нежные, поцелуи возбуждали томные, полусонные желания»...

(«Мелкий бес»).

Тезис

«И одежду, и Сашино тело облила она духами – густой, травянистый и ломкий у них был запах... странно цветущей долины» («Мелкий бес»).

«Все было в ее горнице – перед этой белизной мерцали алые и желтые тоны ее тела, напоминая... оттенки перламутра и жемчуга» («Красота»).

Антитезис

«Людмила повалила Сашу на диван. От рубашки, которую она рванула, отлетела пуговица. Оголила плечо... – „Озорница“... – „Занюнил, младенец“... („Мелкий бес“»).

«Она поспешно разделась и нахально улыбалась... Всю эту ночь ему снились дамы всех мастей, голые и гнусные»... («Мелкий бес»).

Сознательное

«Был бы Пака весел, мил, любезен, не подходил к опасностям и к чужим, нехорошим мальчикам, и знался только с детьми семей из их круга» («В плену»).

Тезис

«Махал похвальным листом: „Все пятки, даже четверок

мало“».

«А в лесу-то как славно! Смолой пахнет».

«Хозяйственный мужик Влас готовился загодя, наварил пива, накупил водки, зарезал барана».

Антитезис

«Что ж, на стенку повесишь?» («Земле – земное»).

«А я дохлую ворону под кустом видел» («Жало смерти»).

«Сказала Аниска Сеньке: „Давай играть в баранчика?“

Полоснула по Сенькиному горлу» («Баранчик»).

«В замке тихом и волшебном там, вдали, за очарованной рощей, обитает нежная царевна, Селенита, легкий Призрак летних снов».

(«*Два Готика*»)

«Казалось, что предметы, нелепые и ненужные, возникали из ничего. Из глупой тьмы возникало неожиданное, *нелепое*».

(«*В толпе*»)

«Дым от ладана клубится по деревне, синее и подымается вверх. У алтаря ходит Рая, полупрозрачная... Вся она, как никто из живых, и прекрасная...».

(«*Утешение*»)

«У мамзели клопы в постели...».

(«*Мелкий бес*»)

«На ком же... невинная кровь?» Отвечал ангел: «На мне, Господи».

(«*Баранчик*»)

«Твердили... о том, что бог, которому доньше мы поклонялись, только *зверь*, таящийся в лесу...».

(«*Дикий бог*»)

Синтез Синтез Синтез

«В поднятой руке... парня, задавленного толпой, светилась в солнечном свете кружка. И рука была странно воздвигнута к небу, как живой шест» («В толпе»).

«Не бойся... Влез на подоконник в четвертом этаже... начиная падать уже, он чувствовал облегчение...» («Утешение»).

«Я не хочу жить» («Жало смерти»)... «Ты звал меня, и я пришла... И будет смерть твоя легка и слаще яда» («Смерть по объявлению»).

Смерть Смерть Смерть

1-я ступень сознания – сознание плена: Пака и мама; Саша в плену у Людмилы и Передонова; Скворцов, плененный Радугиным; Женя Хмаров в условиях среды и т. д.

2-я ступень сознания – видение недотыкомки: Шуткины зло шутят («В толпе»), Лепестинья, Руслан-Звонарева с бо-родавкой на носу, Стригал и К°, Лихорадка и т. д.

3-я ступень сознания – приход смерти: она приходит к Рязанову; Митя, Коля кончают самоубийством; Лешу давят; Симочку убивают солдаты и т. д.

Вывод. Золотая заря природы – золотая заря смерти. Бессознательный зов любви – бессознательный зов к смерти. Смертная ясность сознания – смертная ясность смерти: сама смерть. Мы не мы: мы пыль, озлащенная зарей недотыкомки, золотеющая только в предчувствии смерти. Мы думаем, что мы люди, а мы или прах, или сознательные смертенъши. Вот какой фокусник Елkich!

Ах ты фокусник-покусник! Покусничает, волшебник, надел армянский халат, двумя помахивает бутылочками: «Вот у меня какие, детки, две бутылочки; из одной хлебнешь – станешь бессмертен... пылью попрыскивать, пылью попискивать; хлебнешь из другой: и смертное, смертенъш, предстанет небытие». Посматривает армяшка, застращивает: из халата буку выделяет.

Не верьте, дети: это добрый наш фокус-покусник Федор Кузьмич Сологуб. Какое утешение, дети, нам его читать! Вы-ростите, прочтете: прочтете, поймете. Федор Кузьмич пришел показать вам фокус. А ну-ка, Федор Кузьмич, покажите-ка нам смерть: какая такая она у вас?

«Вот эдакая», – ответит папашам и мамашам Сологуб: накроет хлебный шарик колпачком и вновь откроет; и выйдет маленький ёлkich с шишкой на носу.

«Вот эдакая» – и выйдет милая девушка, милая Рая; «бе-

лые ризы цвели алыми розами, и косы ее рассыпались, как легчайшие, пламенные струйки... От ее прекрасного лица изливался... нежный свет, а глаза ее в этом свете сияли как два вечеряющие светила». Да разве это смерть? Чего вы боялись, дети: это ваша невеста.

«Вот эдакая» – и приходит милая, некрасивая, добрая мама, и говорит плохо заученную роль, говорит о своих *смертьюшках* (дети, не бойтесь, это все Коли и, Пети), говорит милые, милые слова: «Душу твою... бережно положу к себе на плечо и опущусь в чертог, где обитает мой владыко... И сок души твоей выжмет он в глубокую чашу... – и соком твоей души... на полночные; брызнет он звезды» («Смерть по объявлению»).

Милая, как неумело исполняет смертную она свою с роль. Говорит о смерти, а уста ее воскресением улыбаются: дети, идите за ней. «Тогда впустили... Аниску и Сеньку (глазевших на представление) в обители светозарные и в сады благоуханные, где на травах мерцают медвяные росы и в светлых берегах струятся отрадные воды» («Баранчик»). Что, колдун, напугал? Читатели твои, Аниска и Сенька, сидят на берегу у отрадных вод новой жизни, испивая медвяные росы любви новой, потому что образ твоей смерти есть образ взыскуемого града: града жизни. А смерть – только актерка в неудачной трагедии «Победа Смерти»³, разыгрываемой в

³ «Победа смерти» – пьеса, посвященная Сологубом памяти умершей сестры. Поставлена впервые в 1907 г. В. Э. Мейерхольдом в театре В. Ф. Комиссаржев-

кабачке, о чем неумело проговорился сам автор.

Сологуб перепутал основные понятия при совершенной правильности последующих вычислений; преобразуя уравнения, перенес известные величины в одну часть, а неизвестные – в другую, *позабыв переменить знаки на обратные*; и в выводе вместо «плюса» мы ставим «минус», вместо «минуса» – «плюс»; жизнь его называем смертью; смерть – жизнью.

Да, он проводит по всем путям смерти вплоть до... жизни. Исходит от «1» – недотыкомки. Комбинирует недотыкомок в сложные формулы, в сложные дроби. Сложна формула его смерти: но числитель преобразованной формулы по сокращению оказывается равным нулю: этот момент есть момент появления смерти; и неизменно она обманывает: зовет в небытие, а показывает «обитатели светозарные». Почему?

$0/1 = 0$, жизнь = 0 – вовсе не правда; ведь отправная точка – скрытая в жизни смерть; и дробь есть дробь смерти; формулу $0/1 = 0$ надо читать так: смерть = нулю; смерти не существует.

А самый конец (Митя бросается из окна, Коля тонет, милая дама убивает стилетом Рязанова, Мошкин топится) иногда случаен, но чаще нелеп, нелогичен, вымучен.

Пока Сологуб, перереженный в колдуна-армянина, поил нас водой смерти (водой живой), мы брызнули на колдунка водой жизни (смерти), и стал колдун уменьшаться; остался халат да шапка: там что-то попискивало: это был милый, ма-

ленький ёлkich, запутавшийся в одежде. Дети, возьмите ёлkича, поставьте на столик: скоро ёлkич большим дядей вырастет.

И дядя ёлkич вырастает – большой, большой дядя: перед нами большой писатель, певец новой жизни, обителей светозарных – от них же сердце надеждой горит.

Поклонимся ему поясным поклоном.

Русский народ сложил горькую песнь о горьком горе. Горькое горе темной на Русь навалилось теменью. Жизнь на Руси скрылась в темном углу: темны лица россиян. Сологубу дали задачу: по темному пятну на лице у обитателя Мстиславля (или Сапожка – все равно) конструировать чистую тень. Погруженный в это занятие, он забывает, что работает с отрицательными величинами (от – «1» – до «?»)⁴ и опускает минусы; так начинает он полагать, что одна недотыкомка или бесконечность недотыкомок суть положительные величины. После долгих вычислений восстанавливает бесконечную (чистую) тень, обозначая ее знаком бесконечности:?. Тогда образ, свободный от тени, *вынужден* он обозначить «-?», по контрасту. Получается абсурд: отрицательная величина – милая девушка Рая; положительная – теневая лихорадка. К «+?» насильственно приставляется минус; к «-?» так же насильственно приставляется плюс (основные плюс и минус вынесены за скобку). Имеем в одном случае «+» на «-»; в другом случае «-» на «+»; в обоих случаях получаем

⁴ Знак бесконечности.

минус, т. е. жизнь и смерть суть отрицательные величины. Отсюда необходимость перейти либо к недотыкомке, соединяющей в себе *пустую суету* жизни с *полным покоем* смерти, либо к чему-то, абсолютно несоизмеримому с ветхими образами как жизни, так и смерти: «Смерть повержена в озеро огненное... Се творю все новое» («Откровение»)⁵.

И подсознательная стихия Сологуба раздваивается: видит милую Раю и Раину тень, лихорадку. Но ветхим, аскетическим, мертвым сознанием своим хватается за тень, распыляя Раю в облако грез: а Рая реальная, живая, милая: осветите только ее со всех сторон; пуще дивная ее красота озарится; тень исчезнет.

Рая – душа русской правды: но она в тени; в тени и мы, а с нами и Сологуб. Вообразил себя буддийским бонзой и воссел на корточках перед темным углом. Буддизм хорош на Тибете; в Сапожке он только дыромоляйство: сидит в избе, а в избе дыра; молится в дыру: «Изба моя, дыра моя – спаси меня». Но большое его юродство больно нас обличает: ведь дыромоляи и мы, только скрытые. Наше тайное стало явным у Сологуба. Он взял да и сел в угол как был: в сюртуке, со стаканом чаю; сел нам во обличение. И, обличенные им, должны мы ему сказать: «Тебе говорим: встань».

Сидение на корточках в углу перед собственной своей тенью – юродство, т. е. рыцарский подвиг: в Западной Европе издавна водились рыцари, возбуждая, почтение; а в Сапож-

⁵ Откр. 20:14; 21:15.

ке издавна водились юродивые, возбуждая страх суеверный. Возбуждает страх и сидение Сологуба перед пустым углом: полно, не дети мы. Подойдем же к этому громадному художнику и скажем ему:

– Спасибо тебе, человек Божий: посохом указал на безглазую нашу смерть, и мы увидели, что нет у нас безглазой смерти!

1908